

9. Журналы Пермского уездного земского собрания 57 чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1916.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание ЦСК МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. XXXI. Пермская губерния, 1904.

11. Пермская земская неделя. № 49. 1915. 13 декабря.

12. Систематический свод постановлений Пермского губернского Земского Собрания 46 очередной сессии 1915 года и 53, 54, 55, 56 и 57 чрезвычайных сессий 1915-1916 г. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1916.

УДК 355.133

ББК 15647

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Д.О. Никулин

Новосибирск

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ИНЫЕ НАРУШЕНИЯ
ОФИЦЕРСТВА ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дисциплина, нарушения, Сибирь, армия, тыл, Первая Мировая война, офицеры.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проступки офицеров тыловых сибирских подразделений в годы Первой мировой войны. В качестве источников используется военная документация. Среди нарушений выделяются неявки на занятия, рукоприкладство, нарушения воинского благочиния.

D.O. Nikulin

Novosibirsk

**THE DISCIPLINARY AND OTHER VIOLATIONS
OF THE OFFICERS OF THE OMSK MILITARY
DISTRICT DURING THE YEARS
OF THE FIRST WORLD WAR**

KEY WORDS: discipline, violations, Siberia, army, rear, the First World War, officers

ABSTRACT. The article deals with the misdemeanor conducted by the officers of the rear Siberian units during the years of the First World War. As the sources we use military documentation. Among the violations we highlight absence during the the training, battery, and violations of the military conduct.

В годы Первой Мировой войны немаловажную роль играл тыл, обеспечивавший поддержку действующей армии – боеприпасами, а также людскими ресурсами. Войска Омского военного округа исполняли именно последнюю функцию – обучали и отправляли на фронт пополнение; в течение всей подготовки с солдатами работали офицеры, на плечи которых ложилась большая нагрузка – они должны были не только обучить новобранцев всему, что им необходимо было знать перед отправкой на фронт, но и поддерживать среди них дисциплину, в том числе уже по пути на фронт в составе маршевой роты. Тем большее значение приобретают проступки, совершаемые самими офицерами.

В историографии тема разнообразия отношений офицера и солдата, в том числе и с упоминанием офицерских злоупотреблений, уже неоднократно поднималась. Так, В.Л. Кожевин в своей книге «Российское офицерство и Февральский революционный взрыв» со ссылкой на Б. К. Лившица писал о прямой зависимости результатов подготовки личного состава от отношения офицера: «В тех ротах, где офицеры обращались с нижними чинами более или менее человечно, солдаты старались не подвести командиров на смотровой стрельбе. Зато там, где дня не проходило без мордобоя, где наряды вне очереди сыпались как из рога изобилия, процент попаданий был ничтожный» (19. С. 46). Автор отмечает патриархальный характер армейских укладов, которые в межвоенный период 1905 – 1914 гг. терпели острый кризис. Впоследствии патриархальный характер взаимоотношений офицера и солдата отмечал и В.А. Рыбин. В своей статье автор, кроме того, перечисляет некоторые из типичных провинностей офицеров – «пьянство офицеров, их казнокрадство, трусость» (20. С. 84), а также указывает причину недоверия солдат к командирам – «офицер в глазах подчиненного являлся основным представителем государства, в сущности, чуждой и враждебной для солдата-крестьянина и солдата-рабочего силы» (20. с. 83).

Проблемы дисциплины в сибирских гарнизонах одним из первых коснулся А.Н. Баталов в книге «Борьба большевиков за армию в Сибири». Согласно этой работе, «в армии процветало рукоприкладство» (18. С. 38), «солдатская жизнь в сибирских гарнизонах была невероятно тяжелой», так как, «пользуясь отдалённостью от центра России, местные военные начальники всех рангов изощренно издевались над солдатами» (18. С. 40).

В последние годы наблюдается повышение интереса к Первой мировой войне. Так, Л.А. Шайпак вернулся к теме неэффективности телесных наказаний. Как он пишет, «Рукоприкладство, массовые порки и издевательства офицеров возмущали солдат, служили одной из предпосылок формирования их революционного поведения» (21. С. 96). М.В. Шиловский, рассматривая офицеров военных округов, также не обошёл вниманием их провинности и недоработки при подготовке личного состава (22).

Таким образом, при рассмотрении провинностей офицеров авторы преимущественно обращались к теме их жестокого обращения с солдатами.

Нарушения офицеров, главным образом, были непосредственно связаны с исполнением ими служебных обязанностей. Наиболее распространённым нарушением было непосещение офицерами занятий по подготовке личного состава, которые они сами должны были проводить. Как правило, наказанием за это был домашний арест, иногда с исполнением обязанностей. Так, прапорщик Масловский за непосещение тактических занятий 24 ноября и строевых занятий 25 ноября получил 5 суток домашнего ареста (3. Л. 5).

В своё оправдание офицеры часто заявляли, что не посещают занятия из-за болезней; в этих случаях к ним на квартиру высылался врач. Отсутствие офицера на дому во время визита врача могло повлечь за собой последствия, как это случилось с прапорщиком Леопольдовым, который получил трое суток домашнего ареста за то, что не был дома, когда пришел врач (8. Л. 4). Состоявшаяся встреча с врачом не всегда освобождала от ответственности, а порой и усугубляла её, если врач обнаруживал симуляцию. Так, была обнаружена симуляция в случае с прапорщиком Абрашевым – согласно рапорту старшего врача, надворного советника Прейсмана, когда он вместе с прапорщиком Васильцевым явился к больному, то не застал его; тот явился позже, сказав, что ходил в аптеку за лекарствами от кашля. Тем не менее, пульс, температура и легкие у него оказались в полном порядке; Абрашев даже ни разу не кашлянул. Командир батальона приказал Абрашеву явиться на занятие и дал ему сутки ареста (3. Л. 13). Впоследствии Абрашев вновь нарушил дисциплину, не явившись на двустороннее сторожевое охранение, на котором должен был присутствовать как командир 31-й очередной роты пополнения (3. Л. 128).

За рецидив несли ответственность и командиры провинившихся офицеров. Так, прапорщик Титов получил выговор за то, что подчиненный ему прапорщик Манюшко, ранее арестованный за непосещение, снова не посетил занятия. Кроме того, другой его подчиненный, прапорщик Ершов, тоже не явился на занятия (3. Л. 71). Указанные меры, однако, не остановили Манюшко – впоследствии он продолжал практику прогулов, симулируя заболевания кишечника (4. Л. 133).

Командиры рот запасных частей тоже, случалось, не посещали занятия, как это делал прапорщик Микулин. Как и прапорщик Абрашев, он сказался больным, но врач не нашел никаких симптомов; рапорт о болезни был прислан поздно. В нем утверждалось, что Микулин недавно болел. Вместе с Микулиным на занятия не ходил прапорщик Соколин, впоследствии получивший взыскание за неявку (2. Л. 127). За прогулы и за беспорядок в расположении подразделения Микулин получил 7 суток гауптвахты, за следующий проступок ему предстояло лишиться роты (2. Л. 87). Этот проступок не замедлил последовать – очередная неявка на собрание командиров привела к отстранению прапорщика Микулина от командования ротой и двухнедельному заключению на гауптвахте; наказание было усугублено и другими провинностями – в частности, плохой подготовкой 65-й очередной роты пополнения (7. Л. 228).

Случалось, что офицеры прогуливали занятия не по одному и не по двое, а целыми группами – так, за неявку на показное учение по атаке и обороне укрепленных позиций подпоручик Артемьев, а также прапорщики Васильцов, Симонов, Поторжинский, Субботин получили по двое суток домашнего ареста с исполнением обязанностей (7. Л. 252). Иногда командиры рот отправлялись заниматься другими делами роты, оставив заниматься с нижними чинами подчиненных им офицеров; это тоже каралось, если об этом узнавал командир полка. Так, подпоручик Шишенков отправился заниматься хозяйственными делами (8. Л. 168), подпоручик Титов – в лавочку (8. Л. 43об.), а прапорщик Сараев посетил полицейский околоток (8. Л. 45). За это офицеры получали 2-3 суток обычного или домашнего ареста.

Офицеры нередко вели себя неподобающим образом – в частности, играли в карты, что признавалось проблемой (3. Л. 87об.). Некоторые офицеры позволяли себе и большее: так, прапорщик Васильцов был арестован на 15 суток гауптвахты за дебош (5. Л. 58). Другой офицер в воскресенье на городской площади нецензурно ругал солдат. Собравшиеся делали замечания «по адресу офицеров вообще» (7.

Л. 527). Подпоручик Столяров в ответ на фразу «Твое какое дело?» толкнул дневального, отстранял рукой солдат, идя по лестнице, что те приняли за удары и подали жалобу; кроме того, он резко поставил голову одного сутулого стрелка в нужное положение. За всё это он получил 11 суток ареста (8. Л. 247) - довольно строгое наказание для дореволюционной поры. Но хуже всех себя проявил прапорщик Артур Нук - за «преступление с отягчающими обстоятельствами» он был разжалован в рядовые и отправлен на фронт; после войны ему предстояла отдача в исправительное арестантское отделение на 6 лет (9. Л. 220).

Офицер мог пострадать и за недостаток уважения к командиру, получив за это выговор, как это произошло с начальником учебной команды, который командиру возразил (7. Л. 35об.). Прапорщик Михайлов ответил командиру батальона в неподобающем тоне при обсуждении его провинности, за что был отправлен под домашний арест на сутки (1. Л. 287). За пререкания с командиром был наказан и прапорщик Ростомов, – он получил 3 суток ареста (9. Л. 15).

Весьма подробные сведения о провинностях офицеров содержатся в приказах по 5-й Сибирской стрелковой запасной бригаде. Как правило, если дело доходило до командования бригады, то офицеры получали достаточно жёсткие наказания. Так, известен случай нанесения побоев прапорщиком старшему унтер-офицеру за беспорядок на складе. Прапорщик получил 20 суток гауптвахты (10. Л. 10). В другой раз подпоручик и прапорщик не отдали честь подполковнику, «т. к. читали газеты» (10. Л. 19об.). За такое неуважение они получили по 7 суток гауптвахты. Выяснилось, что Ростомов продолжил практику рукоприкладства, за что лишился командования 5-й ротой. Подполковник Доброхотов получил «последнее напоминание» (10. Л. 72). Подпоручик Пальмов толкал симулянта – стрелка Галуцких – за что получил 6 суток ареста (10. Л. 156). 14 суток ареста получил прапорщик Климовский «за посещение в пьяном виде публичного дома по Бочановской улице и некорректное поведение в нём» (10. Л. 97). Офицеры, которые должны были быть примером для солдат, позволяли себе даже грубое отношение к женщине. Так, подпоручик Кононов ударил женщину, будучи в нетрезвом виде. Протрезвев, он не извинился, за что получил 14 суток гауптвахты (10. Л. 52). Прапорщик Четвергов в ответ на критику со стороны некоей женщины сказал: «Какое право имеешь делать замечание мне, офицеру, грязная баба» (10. Л. 325), за что получил выговор. Не лучшим образом себя вело и

молодое поколение офицеров – один юнкер получил месяц ареста «за неисправимо дурное поведение» (10. Л. 385об.).

Совершаемые офицерами проступки отрицательно сказывались на подготовке солдат. Так, начальник томского гарнизона Соколовский отметил, что не все кадровые военнослужащие 8-й роты умеют отдавать честь и имеют выправку (2. Л. 28). Командующий округом отмечал недостатки и в подготовке других батальонов, например, что 81-85 очередные роты пополнения 24-го запасного батальона слабо подготовлены, не имеют внутреннего порядка, многие солдаты ходят в самоволки (4. Л. 40). Часто офицеры несли наказание за такой уровень подготовки вверенных им рот. Так, из-за того, что нижние чины 6-й и 9-й рот плохо знали обязанности караульного, ротному командиру было сделано замечание (8. Л. 102об.). Как уже указывалось выше, плохая подготовка маршевой роты была основной причиной снятия с командования того или иного офицера. Помимо прапорщика Микулина, этой судьбы не избежали и другие офицеры, к примеру, прапорщик Васильцов (8. Л. 201об.), плохо подготовивший 75-ю очередную роту пополнения, или подпоручик Шишенков (6. Л. 8об.), плохо подготовивший 50-ю очередную роту пополнения.

Командование полка боролось с недостатками в ходе подготовки, но санкции были довольно мягки, по крайней мере, поначалу. Например, ротный командир мог получить 2 суток домашнего ареста за проведение занятий не по расписанию (7. Л. 391об.), выговор за недостаток уважения подразделения к командиру полка (отсутствие команды «смирно», «улыбочку» младшего унтер-офицера) (11. Л. 5). Иногда из-за халатности командиров солдаты могли понести серьезный ущерб здоровью – так, один солдат отморозил пальцы правой руки, так как было приказано снять перчатки в холод. За это получил выговор начальник учебной команды, взводный - сутки домашнего ареста взводному, взводный унтер-офицер – четверо суток ареста (9. Л. 108). Другая группа солдат обморозилась, когда их выгнали на стрельбы в 5 утра в 30° мороза (10. Л. 32).

После Февральской революции офицеров стали чаще отправлять на гауптвахту и реже – под домашний арест. Отчасти это было связано с падением дисциплины среди офицеров (либо же с тем, что такие случаи стали известны) - во время занятий они позволяли себе гулять в бильярдных и кофейных (10. Л. 351об.). Так, командир 4-го батальона штабс-капитан Шах-Будагов не посещал своего батальона три недели, за что получил 7 суток гауптвахты (14. Л. 127). Двое прапор-

щиков получили по двое суток гауптвахты за непосещение занятий (13. Л. 184об.). Кроме этого, неделю ареста можно было получить за опоздание из отпуска (17. Л. 36). Однако домашний арест продолжал быть мерой наказания для офицеров. Теперь его можно было получить, к примеру, за опоздание на собрание командиров рот (11. Л. 5). Но не всегда наказания были жёстче дореволюционных – так, 1 ноября 1917 г. за пьяный дебош один из прапорщиков полка получил лишь 3-е суток гауптвахты (14. Л. 1), в то время как ранее за подобное могли дать и 15 суток. Для сравнения можно привести случай с пьянством зауряд-военного чиновника, за которое он получил лишь строгий выговор (12. Л. 129об.). Продолжались и стычки между военнослужащими – один прапорщик ранил другого из револьвера, что списали на «неуменье обращаться с оружием» (13. Л. 189). В 5-й роте продолжались избиения – один из офицеров бил солдата по лицу, бил шашкой и сапогами другого солдата. Ему помогали фельдфебель, унтер-офицер и два ефрейтора (16. Л. 208).

Стремительно падало и качество исполнения офицерами их обязанностей – так, в ноябре 1917 г. получили выговор за несвоевременное выполнение приказов командиры десяти из шестнадцати рот 38-го полка. Пренебрежение своими обязанностями такого количества офицеров, занимавших ключевые должности, свидетельствует о значительном ухудшении функционирования подразделения (14. Л. 75). Чуть позднее выговор получил даже командир 2-го батальона подпоручик Введенский, сам успевший к тому времени побывать исполняющим обязанности командира полка (14. Л. 100). Позднее он даже получил неделю гауптвахты за бездействие (15. Л. 48об.). Помимо выговора за непредставление сведений (13. Л. 90), теперь командир роты мог получить неделю гауптвахты за «незнание документации» (13. Л. 147об.). «За небрежность к службе и несвоевременное пр-во денежного расчета» (17. Л. 28об.) был снят с должности командир 8-й роты Итов.

Тем не менее, с революцией пришли и благоприятные изменения - развернулась полноценная борьба с коррупцией. Арестованы были помощник каптенармуса (13. Л. 152), а также командир роты в звании капитана, использовавший ротные деньги для личных нужд (10. Л. 262). Капитан был впоследствии оправдан (10. Л. 424-425). «За несоответствие» был снят с должности зауряд-военный чиновник Аронтрихер (17. Л. 21). Было объявлено расследование его злоупотреблений (17. Л. 23).

Таким образом, офицеры допускали достаточно большое количество оплошностей и даже преступлений при выполнении своего долга, несколько не уступая по этому показателю своим солдатам. Более того, из-за того, что любое нарушение, совершенное солдатом, может расцениваться как недоработка или недосмотр его непосредственного командира, количество провинностей офицеров представляется даже значительно большим. Основные категории нарушений: неявка на занятия с солдатами, часто сопровождающаяся симуляцией болезни; неподобающее поведение (игра в карты, пьянство и т.п.); халатное отношение к подготовке солдат в целом; неуважение к командиру; рукоприкладство по отношению к солдатам.

Разумеется, некачественное исполнение офицером своих обязанностей не могло не сказываться отрицательно на конечном уровне подготовки солдат, что отмечалось вышестоящими командирами разного уровня – командирами бригады, гарнизона и округа и могло повлечь за собой санкции. Таким образом, командиры рот были, и это признавалось вышестоящим командованием, главным фактором, влияющим на качество подготовки личного состава к отправке на фронт.

Положение офицеров изменилось после Февральской революции – с одной стороны, санкции по отношению к ним в случае каких-либо нарушений на уровне полка стали в среднем несколько жестче, с другой – они стали значительно чаще пренебрегать своими обязанностями, и даже ужесточение санкций оказалось неэффективным. По нашему представлению, подобный эффект вызвало падение авторитета должности командира полка, который регулярно менялся, и появление в подразделении борьбы в ходе выборов на ту или иную должность, имеющей политический характер.

Источники:

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 15.
9. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 18.

10. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 22.
11. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 26.
13. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 27.
14. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 29.
16. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 30.
17. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 31.

Литература:

18. Баталов, А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири, 1916 – февраль 1918. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – 283 с.
19. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. – 260 с.
20. Рыбин В. А. К вопросу о взаимоотношениях солдат и офицеров в период Первой мировой войны. // Инвалиды и общество. 2015. № 3. С. 81-87.
21. Шайпак Л. А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1(9). С. 92 – 99.
22. Шиловский М. В. Офицеры военного времени в запасных частях сибирских военных округов во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2014. №1. С. 147-151.

УДК94(985).0841612.4(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК 64.17

И.С. Огоновская

Екатеринбург

**РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И РЕВОЛЮЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая память, историческое кино, кинематограф, революционеры, революция.

АННОТАЦИЯ. Автор статьи обращается к проблеме формирования исторической памяти поколений; рассматривает историю отечественного кинематографа XX-XXI вв. через призму снятых в это время фильмов о революционерах и революционных событиях 1905-1907 и 1917 гг.; показывает арсенал средств, при помощи которых складывается образ исторической эпохи, а также мифы и стереотипы, связанные с ней; делает выводы об актуальности темы не только для отечественных историков, но и кинематографистов.